

Конец династии Асадов в Дамаске

Падение режима Башара Асада в Сирии застало международные канцелярии врасплох. Президент, находившийся у власти с 2000 года, бежал в Москву. Конфликт выглядел замороженным с 2020 года, когда были достигнуты последние российско-турецкие договорённости, с фактическим разделом сфер влияния и территориального контроля в стране. С 2023 года началась нормализация отношений между Дамаском и арабскими столицами, вплоть до того, что за несколько дней до наступления исламистских повстанческих формирований, поддерживаемых Турцией и Катаром, президент Сирии был приглашён на конференцию Лиги арабских государств в Эр-Рияде.

Колокол пробил в Дохе

Удивление аналитиков и комментаторов по поводу внезапного краха режима сопровождалось всеобщим беспокойством, обобщённым в формуле *«катастрофический успех»*, которую использовал Дэвид Игнатиус, обозреватель *Washington Post* со связями в американской разведке. Вашингтон, поддерживавший и вооружавший различные фракции сирийской оппозиции наравне с Парижем и Лондоном, опасался, что Дамаск перейдёт в руки фундаменталистских сил с появлением в конфликте исламистских ополчений, связанных как с «Аль-Каидой», так и с ИГИЛ.

«Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ, «Организация освобождения Сирии»), которая возглавила наступление, практически не встретившее отпора со стороны сирийских вооружённых сил, вышла из группировки «Ан-Нусра», действующей в Сирии с 2012 года и до 2016-го связанной с «Аль-Каидой». С 2018 года ХТШ в числе других суннитских формирований контролирует регион Идлиб на северо-западе страны. Здесь режим Асада при поддержке российских ВВС и иранских ополченцев отбил и «кантонизировал» силы повстанцев. Как следует из различных сообщений, слабый отпор наступлению исламистов был связан с предварительными договорённостями с частями армии, с местными общинами, с фракциями буржуазии, как суннитскими, так и другими меньшинствами, включая алавитское, из которого также вышла династия Асадов.

Кроме того, это следствие истощения страны после тринадцати лет кровопролитной гражданской войны, в которой по доверенности или напрямую участвовали многочисленные региональные и мировые державы. Однако, как отмечают *Avvenire* и *Le Figaro*, решающим фактором для режима стал *«предсмертный звон, [...] прозвучавший на конференции в Дохе»*, которая была экстренно созвана 7 декабря между Турцией, Россией и Ираном. Трёхсторонняя встреча, которую принимал Катар, четвёртый де-факто приглашённый участник, проходила параллельно с саммитом арабских стран региона. Можно сказать, что на арабском столе был разыгран пересмотр *«астанинских договорённостей»*, которые с 2016 года определяли взаимодействие между тремя неарабскими державами, участвующими в сирийской игре.

Турецкие гарантии и сирийская «отравленная чаша»

По мнению Гассана Шарбея, редактора саудовской газеты «Аш-Шарк Аль-Аусат» со связями в королевской семье, Анкара предложила Москве и Тегерану гарантии, убедив их отказаться от военной поддержки Асада и тем самым испытать *«отравленную чашу»* его падения. Это выражение обладает особым смыслом в региональном контексте, особенно когда речь идёт о Тегеране. Имам Хомейни употребил те же слова, когда давал согласие на завершение десятилетнего конфликта с Ираком (1980–1988 гг.), жертвами которого стали почти миллион человек, примерно две трети из которых были иранцами. Болезненное, но реалистичное решение перед лицом военного тупика. Отношения Ирана и асадовской Сирии завязались именно во время конфликта между Тегераном и Багдадом, который с конца 1960-х годов стал для Дамаска вторым традиционным противником на региональной шахматной доске после Израиля. Сегодня расширение войны в Газе на Ливан и собственно сирийскую территорию, сопровождающееся прямым обменом ракетами между Тель-Авивом и Тегераном, должно было ослабить возможности боевиков «Хезболлы» по оказанию военной поддержки Дамаску, а именно они сыграли решающую роль в переломе хода конфликта в 2015–2016 годах, особенно

в битве за Алеппо, – наряду с ВВС и ракетным арсеналом Москвы. Причём последняя, как утверждается, погружена сегодня в украинский конфликт.

По мнению Шарбеля, Анкара намерена выступить в качестве гаранта безопасности российских военных в Сирии. По мнению *Le Monde*, сложные и переплетающиеся отношения между Москвой и Анкарой представляют собой динамику соперничества и совпадения интересов. Утверждают, что российская дипломатия, со своей стороны, способствовала «мирной передаче власти» в Дамаске, где Асад ушёл в отставку и отдал власть своему премьер-министру, который, в свою очередь, передал её представителям ХТШ.

По мнению некоторых наблюдателей, интервенция Москвы в Сирию произошла в сентябре 2015 года после конфиденциального соглашения с Анкарой, о котором договорились в августе Владимир Путин и Реджеп Тайип Эрдоган (Fabrice Balanche, *“Les leçons de la crise syrienne”*, 2024). Основанием же послужил военный договор, подписанный между СССР и Сирией в 1971 году, с передачей военно-морской базы в Тартусе. Как для Анкары, так и для Москвы представляется важным избежать повторения в Сирии иракского сценария 2003 года, с развалом государственного аппарата после американской оккупации. Этот аспект, похоже, также находит отклик у исламистских ополченцев, которые направили силы для защиты Центрального банка Дамаска и других институциональных объектов.

Махер Марван, глава Дамаска, назначенный ХТШ, подчеркнул, что новый сирийский режим также стремится к «хорошим отношениям с Россией, которая некоторое время была нашим врагом».

Провал Ирана в Бейруте и Дамаске

Пока неясно, какие гарантии Анкара могла бы предложить Тегерану, чьё влияние в Леванте на данный момент ослаблено гораздо сильнее, чем влияние Москвы. Москва использовала сирийскую войну для того, чтобы относительно недорого вступить в региональную игру. С другой стороны, этот же конфликт позволил Тегерану укрепить «шиитский коридор» от Персидского залива до Бейрута и усилить «пояс огня» в виде боевиков и ракет в качестве инструмента сдерживания Израиля. В последние месяцы этот инструмент был ослаблен воздушной атакой Тель-Авива на “Хезболлу” и ликвидацией её главного лидера Хасана Насраллы.

Не исключено, что Анкара предложила шиитским компонентам в Сирии гарантии безопасности, а также обещала удержать новое правительство в Дамаске от вмешательства в иракский баланс сил в пользу местных суннитских меньшинств – резервуара для вербовки и финансирования боевиков ИГИЛ, всё ещё присутствующих на востоке Сирии. Возможно, и сам Тегеран решил отступить, оценив собственное перенапряжение. Вероятно, свою лепту сыграла позиция более ориентированного на диалог президента-реформатора Масуда Пезешкиана и части консервативных течений. Будет ли иранская дипломатия регулярно чередовать переговоры с «воинственными жестами» – покажет время.

Свидетельство национально-исламистской мутации?

Как пронизательно замечает Мишель Дюкло, бывший посол Франции в Сирии, судить о победителях и проигравших в сирийских событиях сейчас представляется преждевременным занятием. На уровне местных акторов среди главных проигравших – курдские ополченцы, которые в сирийских перипетиях оказались прямыми объектами стремления Турции раздробить их территориально, или даже взять их под контроль с позиции силы.

Что касается региональных и международных игроков, ослабленным оказывается Иран. Но, по словам Дюкло, «кризис, последовавший за войной в Газе», привёл к «парадоксальному результату: Арабские Эмираты и Саудовская Аравия стали лучшими друзьями Тегерана», в том числе благодаря посредничеству Китая, «гораздо более полезными, чем кровавый диктатор, который непопулярен даже среди иранцев». Для Путина это дело, возможно, представляет собой «крупное символическое поражение», но в Москве, похоже, возобладала «оценка затрат и выгод». И вполне вероятно, что Россия «сможет договориться с новыми людьми в Дамаске». Турция набирает несколько очков, но её исламистский союзник в Дамаске Мухаммад аль-Джужлани, «надев национальные одежды», может оказаться «несговорчивым». Израиль одерживает «важную символическую победу», но сталкивается с тем, что на смену

«неэффективной власти» Асада приходит «потенциально радикальная исламистская сила»; по мнению Дюкло, превентивные меры Тель-Авива – уничтожение части военного арсенала сирийской армии и оккупация буферной зоны, существовавшей на Голанских высотах с 1974 года, – рискуют превратиться в «самоисполняющееся пророчество», закрепляя сирийско-израильский конфликт и при новом режиме.

Аль-Джулани (буквально “из Голан”) избавился от своего джихадистского костюма и носит теперь военную форму, а также несколько неформальный деловой пиджак, вернувшись к своему гражданскому имени Ахмед аль-Шаара. Дюкло предполагает, что это отсылает к его принадлежности к крупному суннитскому клану в мухафазе Даръа, хотя аль-Джулани родился и вырос в Саудовской Аравии¹. По мнению эксперта по сирийским делам Фабриса Баланша, в 2014 году аль-Джулани как лидер ХТШ якобы отказался передать свою организацию в подчинение халифату ИГИЛ во главе с аль-Багдади, попросив посредничества преемника Усамы бен Ладена Аймана аз-Завахири, который был уничтожен США в Афганистане в 2022 году. Аз-Завахири поддержал линию аль-Джулани на «приоритет Сирии» в джихаде, то есть на борьбу с режимом Асада. С 2016 года столкновение между двумя организациями приобрело военный характер, а позднее – привело к поглощению остатков ИГИЛ в кантоне Идлиб.

Турецкая пресса использует термин «социализация» для обозначения турецкой модели в Идлибе, которая осуществляется при участии служб Анкары и, скорее всего, на средства из Дохи. Существует также предположение, что именно турецкое влияние может стоять за национально-исламистским поворотом ХТШ, в рядах которой не один человек сформирован “Братьями-мусульманами”: среди них глава временного правительства Мохаммад аль-Башир, уроженец Идлиба, которого представляют как «технократа», поскольку он получил образование инженера в Алеппо. Национально-исламистская ориентация также кажется предпочтительным вариантом для других держав, которые спешат в Дамаск, чтобы установить контакты с новым сирийским режимом. По мнению *Le Figaro*, это может стать мастерским ударом «старшего брата-мусульманина» Эрдогана, который более десяти лет продвигал в регионе канву турецкого политического ислама. Такой исход вызывает беспокойство в нефтемонархиях, которым *Financial Times* советует использовать свою «финансовую мощь» для управления новым балансом в Дамаске и той ролью, которую берет на себя Турция.

Не следует забывать о политической и символической ценности Дамаска, обусловленной его центральной ролью в долгой истории арабских империй и регионального национализма минувшего столетия. Как отметил Шарбель, «увидеть 40-летнего человека, произносящего победную речь в мечети Омейядов» в Дамаске – это многое говорит о масштабах “сирийского землетрясения” для региона. Тем более, если за «реформированным джихадистом», выражаясь французской формулой, стоят Анкара и Доха.

Декабрь 2024 г.

¹ - По другой версии он родился в деревне Ар-Рафид (мухафазе Эль-Кунейтра) на юге Сирии, на Голанских высотах.